

**КРИМІНАЛЬНО-ПРОЦЕСУАЛЬНЕ ПРАВО
ТА КРИМІНАЛІСТИКА**

ДЖАМАЛОВ И.Д.,
кандидат юридических наук,
член Международной
организации правовых исследований

УДК 343.14

ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ И ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Розглядаються поняття і зміст тактичного прийому, його співвідношення з процесом збору та формування доказів. Досліджуються проблеми допустимості обману при збиранні доказів, його межі і критерії. Пропонуються рекомендації щодо зміни і доповнення кримінально-процесуального законодавства.

Ключові слова: тактичний прийом, доказ, співвідношення, допустимість, обман, умови застосування, кримінально-процесуальний закон.

Рассматриваются понятие и содержание тактического приема, его соотношение с процессом сбора и формирования доказательств. Исследуются проблемы допустимости обмана при собирании доказательств, его пределы и критерии. Предлагаются рекомендации по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: тактический прием, доказательство, соотношение, допустимость, обман, условия применения, уголовно-процессуальный закон.

The concept and content of tactical technique, its correlation with the process of collecting and forming of evidence are considered. It is investigated problems the admissibility of deception in collecting of evidence, its limits and criteria. Recommendations for changes and amendments to the Criminal Procedure Code are suggested.

Keywords: tactical technique, evidence, correlation, admissibility, deception, conditions of use, Criminal Procedure Law.

Понятие тактического приема в юридической литературе до настоящего времени является дискуссионным, что обуславливает его неоднозначное применение. В криминалистике сложились несколько основных направлений во взглядах на сущность тактического приема, согласно одному из которых он рассматривается как своеобразная научная рекомендация. В частности, А.Н. Васильев и Л.М. Корнеева определяют тактический прием как «рекомендацию, разработанную на основе данных специальных наук (главным образом логики, психологии, научной организации труда), а также обобщения следственной практики для применения логических методов познания (формальной логики) в специфических условиях расследования, формирования психологии отношений следователя с участниками следственных действий, организации планомерного расследования» [5, с. 4-5].

Р.С. Белкин и Н.А. Якубович определяли тактический прием как способ действия или линию поведения [1, с. 281; 3, с. 105; 23, с. 143]. Так, Р.С. Белкин указывал, что тактический прием – это «наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразная в данных условиях линия поведения лица, осуществляющего процессуальное действие» [2, с. 143]. По мнению С.П. Митричева, тактический прием выступает как «законное и наиболее целесообразное в данных условиях действие или поведение лица, производящего расследование, обеспечивающее достижение эффективных результатов при проведении того или иного процессуального действия» [11, с. 9]. В свою очередь, А.А. Филющенко указывает, что «тактический прием представляет собой результат мыслительной деятельности, содержанием которой являются оценка конкретной ситуации, выбор наиболее эффективного способа действия из других вариантов поведения...» [20, с. 7-9].

Отдельные авторы рассматривают тактические приемы как «разрабатываемые криминалистической наукой рекомендации о способах действий, использование которых с учетом конкретной следственной ситуации и требований процессуального закона обеспечивает наиболее эффективное и быстрое решение отдельных следственных задач и достижение общей цели рас-

крытия преступления» [12, с. 281-283], другие считают, что «тактический прием» и «рекомендация» — понятия хотя и не тождественные, но настолько неразрывные, что жестко разделять их нецелесообразно [10, с. 58-60], третьи полагают, что понятие «тактический прием» и «тактическая рекомендация» являются разнопорядковыми и при их использовании должно соблюдаться условие — аспект рассмотрения следственной тактики. По их мнению, понятие «тактический прием» отражает прежде всего практическую направленность следственной тактики, поскольку это способ целенаправленной практической деятельности при расследовании преступлений. Понятие же «тактической рекомендации», как и «криминалистической рекомендации» вообще, относится к науковедческой сфере криминалистики [6, с. 30-32].

С нашей точки зрения, в определении понятия тактического приема необходимо акцентировать внимание на деятельностном факторе, указывать, что это именно способ действия, поскольку определение понятия тактического приема как научной рекомендации содержит указание на источник его формирования и не отражает самой сущности приема, а способ показывает практическую реализацию приема, тогда как рекомендация существует лишь абстрактно.

Некоторые определения тактического приема содержат указание на то, что это не только способ действия, но и линия поведения лица, осуществляющего процессуальное действие, способ воздействия. Так, Р.С. Белкин отмечает, что тактическим может быть и «поведенческий» прием, т. е. выбор и осуществление лицом, производящим расследование, наиболее целесообразной линии поведения [3, с. 104-106], а Л.Б. Филонов и В.И. Давыдов характеризуют тактические приемы как «способы воздействия на человека, вызывающие определенные психологические изменения, с помощью которых достигается желаемый результат» [19, с. 113-115].

Представляется, что тактическим приемом может выступать не любой способ по осуществлению процессуального действия, а лишь наиболее рациональный и эффективный при определенных обстоятельствах его реализации.

Р.С. Белкин к числу факторов, влияющих на признание способа действия наиболее рациональным и эффективным, относил: системность операций, составляющих в своей совокупности способ действий; разрешающую способность используемых технико-криминалистических средств и иных технических устройств, обязательное соблюдение правил обращения с ними; параметры используемых технических средств; физические и психологические возможности человека; индивидуальные особенности субъекта, использующего прием, обуславливающие формирование, выбор им данного приема и его реализацию [1, с. 281-283].

Представляется, что перечисленные факторы, недостаточно полно отражают признак способа действия, связанный с его рациональностью и эффективностью, в связи с чем предложенный перечень может быть дополнен и такими факторами, как достоверность и полнота криминалистически значимой информации, на которой основан тот или иной прием; правильность определения ситуации, при которой целесообразно использовать способ действия; оптимальная последовательность размещения способов действия в цепи их использования при конкретной ситуации; тактически обусловленный момент применения способа действия.

На основании изложенного представляется возможным определить тактический прием как соответствующий определенным требованиям способ осуществления действия, направленный на достижение конкретной цели, основанный на психологическом механизме его реализации, являющийся наиболее рациональным и эффективным при определенных ситуациях.

О содержании требований, предъявляемых к тактическому приему, в криминалистике также нет единого мнения. Так, А.Н. Васильев в качестве требований, предъявляемых к тактическим приемам, предлагает следующие: научность; структурная форма каждого приема, его принадлежность к системе приемов; рекомендательный характер приема, представляющий возможность выбора из нескольких возможных; законность; направленность на проведение в жизнь соответствующей нормы уголовно-процессуального закона; соответствие тактического приема этическим нормам; способность помогать широкому применению научно-технических средств [5, с. 3-8].

Н.И. Порубов в качестве основных требований, предъявляемых к тактическим приемам, называет: полное соответствие тактического приема уголовно-процессуальному закону, процессуальному порядку ведения следствия; соответствие принципам морали, требованиям профессиональной этики; научную обоснованность, использование новейших данных таких наук,

как психология, логика, научная организация труда, и др.; эффективность и экономичность; свободу выбора конкретного приема [14, с. 62-66].

С нашей точки зрения, наиболее важными требованиями, предъявляемыми к тактическим приемам, являются законность, этичность, научность, избирательность, познавательная ценность и коррелятивная способность к взаимодействию.

Представляется, что в уголовно-процессуальном законе не могут содержаться тактические приемы, так как, во-первых, тактический прием основывается, исходит из процессуальных норм и не должен противоречить им; во-вторых, процессуальная норма, если она даже и альтернативная, не может являться тактическим приемом в силу того, что она имеет предписывающий или обязательный характер в определенных границах; в-третьих, тактический прием более гибок, его применение определяется ситуационной обусловленностью, которую законодатель в деталях предвидеть не может, а может представить и предписать только общий процессуальный порядок; в-четвертых, тактический прием не может быть применен «во всех случаях», а лишь при определенных условиях, обстоятельствах, соответствующих ситуациям его применение будет оптимальным.

Поскольку такие требования, как законность и этичность, понимаются в криминалистической литературе неоднозначно, представляется необходимым более подробно остановиться на их основной составляющей – недопустимости обмана.

Согласно толковому словарю, обман – это намеренное искажение истины, неправда, ложь, создание ложного представления и т.п. [13, с. 431]. С позиций этики, обман является аморальным, а потому не может быть использован для достижения правых целей уголовного судопроизводства.

В этой связи справедливо отметили А.Р. Ратинов и Ю.Г. Зархин: «...следовать неизменному правилу «цель оправдывает средства» – значит забывать, что применением недостойных средств можно испоганить и извратить любую благородную цель» [17, с. 39].

Кроме того, как указывает С.Д. Ширалиева, «...пользователи обмана и лжи называются обманщиками, лгунами, лжецами, жуликами, мошенниками и т.п. Надо согласиться, что следователь – лжец, прокурор – жулик или судья – мошенник не совсем удачные сочетания для участников уголовного процесса» [22, с. 57].

Это одна сторона вопроса, а вторая, образующая проблему, состоит в том, что, с нашей точки зрения, практически в основе всех криминалистических приемов, рекомендаций, комбинаций и т.п. лежат ложь и обман, без которых они таковыми не являются.

Рассмотрим справедливость указанного на анализе основных приемов, разработанных и рекомендуемых ведущими специалистами во всех учебниках по криминалистике, что практически делает их обязательными для исполнения.

Так, в криминалистической литературе неоднократно рекомендуется в качестве тактического приема формирование у подследственного ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям [7, 102; 9, с. 291; 16, с. 113]. Речь идет об оставлении в неведении относительно объема имеющейся у следователя доказательственной информации либо о создании преувеличенного представления об этом. Однако, сопоставив изложенное с общепринятыми понятиями обмана и лжи, можно сделать вывод об их абсолютной тождественности.

Другой прием состоит в формировании у подследственного ошибочного представления о, якобы, неосведомленности следователя относительно ложности выдвинутых объяснений и заявленных утверждений [16, с. 115]. Представляется, что формирование ошибочного представления есть создание ложного представления, а это ложь и обман.

Аналогичный характер имеет формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которые они преследуют [16, с. 117]. С нашей точки зрения, умышленное формирование ошибочного представления – обман, сопряженный с нарушениями прав участника процесса.

Соответственно, создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя по сути своей является обманом, сопряженным с неправомерным воздействием и нарушением прав [16, с. 119].

Формирование у подследственного намерения воспользоваться негодными средствами

противодействия расследованию также есть обман – введение в заблуждение [16, с. 111].

Такая же суть у психологического воздействия в процессе допроса, непосредственно направленного на преодоление установки на ложь и на получение правдивых показаний [5, с. 119]. Как справедливо отмечает С.Д. Ширалиева, «...воздействуя на кого-либо с целью получения правдивых показаний и предлагая дать таковые, порядочный человек (не обманщик, не лгун, не лжец и т.п.) должен не скрывать правду (не обманывать) и заранее разъяснить, чем грозит лицу то или иное показание. Так, предлагая карманнику рассказать правду об обстоятельствах совершенной кражи, порядочный человек (не обманщик, не лгун, не лжец и т.п.), каковым обязан быть следователь или прокурор, должен заранее разъяснить, что в случае наличия соучастников или рецидива наказание может быть реальным и более строгим, а не условным, как при совершении кражи впервые и без соучастников. Также, предлагая выдать орудие преступления и рассказать об его обстоятельствах, надо, не лукавя, разъяснить правду, что собранные доказательства будут положены в основу обвинения» [22, с. 59-60].

Прием, заключающийся в разъяснении обвиняемому последствий заперательства, можно условно считать допустимым, если не скрывать, что подобная позиция (заперательство) может помочь уклониться от уголовной ответственности [8, с. 168].

Прием допущения легенды [8, с. 80; 21, с. 129] заключается в том, что допрашиваемому предоставляется возможность беспрепятственно излагать ложные показания, а затем он изобличается во лжи. Таким образом, до пресечения лжи у допрашиваемого создается ложное представление, что ему верят, однако создание ложного представления – обман.

То же относится к отвлечению внимания, или косвенному допросу [5, с. 111; 21, с. 240]. Представляется, что отвлекать внимание – прием мошенников и жуликов, основанный на обмане.

Умолчание об отдельных уже известных следствию обстоятельствах [18, с. 112] – утаивание правды, а это также обман.

Аналогичный характер носят рекомендуемые приемы «ловушка тщеславия», «выжидание и вызов», «интрига», «ловушка с эмоциональным матрицированием», «ловушка с активизацией заблуждения» и др. [9, с. 170-309].

Изложенное подтверждает вышеуказанный вывод, что в основе криминалистической тактики лежит обман противника, если таковым считать одного из участников уголовного процесса. Следует также согласиться, что обман и ложь, преподнесенные в особо хитроумной форме, от этого не перестают быть таковыми, а становятся лишь более квалифицированными и аморальными [15, с. 20].

История криминалистической тактики, особенно ее советский период, характеризовалась безуспешными попытками найти моральное обоснование допустимости лжи и обмана либо камуфлирующих синонимов, что в любом случае было обречено на провал, т.к. находилось в порочном круге взаимосвязанных иезуитских понятий и положений. Так, считалось и продолжает считаться, что условиями (критериями) допустимости тактического приема и других элементов криминалистической тактики и признания их правомерными являются законность (непротиворечие букве и духу закона) и нравственность (соответствие принципам морали, нравственности) [4, с. 220-221]. Однако из закона можно убрать положения о запрете обмана и лжи, но составными частями нравственности они от этого автоматически не станут.

Все изложенное верно, но надо признать, что в уголовном судопроизводстве без криминалистических приемов, основанных на лжи и обмане, не обойтись. В противном случае, если исходить из декларативных положений о запрете обмана, подавляющее большинство доказательств по делу должно быть признано недопустимыми. Так как же преодолеть этот порочный круг – цепочку логически взаимосвязанных положений: обман аморален – недопустим – должностное лицо государства не может быть аморальным – не должно обманывать, т.к. – обман аморален и т.д.? Тактические приемы, комбинации, криминалистические игры, эффекты, ловушки и т.п. основаны на обмане, представляют собой термины и понятия других наук и видов человеческой деятельности, где вопрос о допустимости обмана и лжи не стоит так остро и нет надобности в фарисействе и лицемерии. Криминалистика не будет таковой без тактики и методики, а последние не могут существовать без обмана и лжи. Образуется еще один порочный круг, выход из которого мы видим в следующем.

Священные книги большинства конфессий допускают обман во благо, в определенных

условиях, когда правда, как это ни парадоксально, безнравственна, когда возникает противоречие между отдельными ценностями и необходимо решение, направленное на сохранение наиболее значимой из них.

Следовательно, в первую очередь необходимо определить случаи, когда ложь и обман не будут противоречить нравственности. Кроме того, обман в этих случаях опять-таки должен быть ограничен определенными рамками и процедурами, основными из которых остаются законность, избирательность воздействия и нравственность.

Законность означает, что допустимость обмана в уголовном процессе должна быть законодательно закреплена. Избирательность воздействия – направленность воздействия на определенные лица и нейтральность по отношению к остальным. Нравственность элемента криминалистической тактики, основанного на обмане, с нашей точки зрения, означает, что тактический прием не должен унижать честь и достоинство участников уголовного процесса; влиять на позицию невиновного, способствуя признанию им несуществующей вины; оправдывать совершение преступления и приуменьшать его общественную значимость; способствовать оговору невиновных или обвинению виновных в большем объеме и т.п.

Список использованной литературы:

1. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. – Саратов, 1986.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988.
3. Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики: Учебное пособие. – Волгоград, 1993.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 1997. – Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации.
5. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. – М., 1970.
6. Волобуев А.Ф. Соотношение понятий «тактический прием» и «тактическая рекомендация» в системе следственной тактики // Криминалистика и судебная экспертиза. – К., 1983. – С. 30-33.
7. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Судебная этика. – Воронеж, 1974.
8. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. – М., 1969.
9. Зорин Г.А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам: Учебно-методическое пособие. – М., 2002.
10. Комиссаров В.И. Теоретические проблемы следственной тактики. – Саратов, 1987.
11. Криминалистика: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973.
12. Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Крылова. – Л., 1976.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 2000.
14. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск, 1978.
15. Проблемы судебной этики. – М., 1974
16. Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М., 1970.
17. Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика // Соц. законность. – 1970. – № 10. – С. 39-41.
18. Усманов У.А. Тактика допроса. – М., 2001.
19. Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 114-115.
20. Филющенко А.А. Предмет и содержание криминалистической тактики. Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981.
21. Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. – Х., 1995.
22. Ширалиева С.Д. Концептуальные основы использования интегративной криминалистической тактики при расследовании преступлений : Дис. ... канд. юрид. наук. – Баку, 2005.
23. Якубович Н.А. Общие проблемы криминалистической тактики // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М., 1978. – С. 131-168.

Поступила в редакцию 31.10.2012

